

графическим и хронологическим параметрам картину в рамках сравнительно небольшой монографии, Ю.К. Колосовская не могла с одинаковой полнотой исчерпать все затронутые сюжеты. Так, тема «континуитета и дисконтинуитета городов Римской империи» (с. 7) практически затронута лишь вскользь в последней главе. Подчас серьезный анализ заявленной проблематики подменяется повествованием о тех или иных событиях: в особенности там, где речь идет о прирейнском регионе, менее знакомом автору, чем Придунавье. Мелкие погрешности работы уже указаны выше. Однако в целом книга должна быть расценена вполне положительно, и можно не сомневаться, что ее выход в свет должен вновь привлечь внимание исследователей к поднятым в ней проблемам.

В.Н. Парфенов, Е.В. Смыков

© 2002 г.

Л.А. ПАЛЬЦЕВА. Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. 304 с.

Так уж сложилось, что книги по истории древней Греции доэллинистического времени – это прежде всего книги по истории Афин. Город Паллады как бы затмевает своей славой все прочие древнегреческие полисы. Подобный «афиноцентризм» имеет, конечно, свои объективные основания: вклад афинян в развитие античной цивилизации воистину грандиозен. И все-таки у этого подхода не может не быть весьма существенных издержек: он скрывает, затушевывает тот фон, на котором сложилось и выросло «афинское чудо», фон, может быть, не столь блестящий, но абсолютный необходимый для правильного и многостороннего понимания целого.

Афиноцентрическая тенденция характерна и для отечественного антиковедения. Даже первая на русском языке монография Л.Г. Печатновой по истории Спарты: появилась совсем недавно. Что уж говорить о таких полисах, тоже значительных и известных, как Коринф, Самос и Сиракузы? Нельзя, конечно, сказать, что мы совершенно не располагаем монографическими работами о полисах «второго порядка». Есть книги М.М. Кобылиной о Милете, В.П. Невской о Византии, но они смотрятся скорее как случайные (к тому же довольно давние) исключения из общего правила. Есть обширная литература о греческих колониях Северного Причерноморья, но это отдельная тема, всегда остававшаяся приоритетной для русских исследователей античности. Что же касается Балканской Греции, то тут нам похвастаться попросту нечем.

Тем больший интерес вызывает книга Л.А. Пальцевой, посвященная ранней истории Мегар. Справедливости ради следует сказать, что Мегарам вообще повезло в историографии. О них написано больше, чем даже о таких крупных центрах, как, например, Фивы и Аргос; только в XX в. на Западе вышли три монографии о мегарском полисе¹. Считается, что это много, хотя об Афинах за тот период появились сотни, если не тысячи книг. И все же Мегары нельзя считать обделенными вниманием ученых. На то есть особые причины.

Судьба Мегар – крайнего северо-восточного форпоста пелопоннесских дорийцев – во многом уникальна. Уникальность эта во многом проистекала из географического положения города, в котором позитивные и негативные факторы настолько переплелись, что трудно сказать, каких было больше. Мегарские владения располагались на узком Истмийском перешейке, соединяющем Пелопоннес с остальной Грецией. Отсюда – проходившие через территорию полиса торговые пути общегреческого значения, что не могло не приносить дохода, но отсюда же – и крайняя уязвимость для вторжений извне: сколько раз в течение античной истории через Мегариду то в одну, то в другую сторону проходили войска, опустошая сельскую местность!

¹ *Highbarger E.L.* The History and Civilization of Ancient Megara. Baltimore, 1927; *Hanell R.* Megarische Studien. Lund, 1934; *Legon R.P.* Megara: The Political History of a Greek City-State to 336 B.C. Ithaca, 1981. Книгу Легона – самую новую из перечисленных и являющуюся в определенной степени последним словом западной историографии по «мегарскому вопросу» – следует отметить особо. К сожалению, автор рецензируемой монографии использует эту работу в значительно меньшей степени, чем она того заслуживает.

Гористые земли Мегариды были скудны, неплодородны, непригодны для сколько-нибудь интенсивного земледелия, но зато Мегары имели гавани сразу на двух морях – Эгейском и Ионическом, а этим, кроме них, во всей Греции мог похвастаться лишь соседний Коринф.

Мегарянам, зажатым, как в клещи, между могущественными и заведомо сильнейшими соседями – Коринфом, Афинами и Беотией, – всегда приходилось трудно. Однако им удалось не только отстоять независимость своего города, но на некоторое время даже поставить его в ряды наиболее развитых и передовых экономических, политических и культурных центров Греции. Мегарские шерстяные ткани и керамические изделия пользовались спросом по всему античному миру. Мегары стали одним из активнейших участников Великой греческой колонизации. Города и поселения, основанные мегарскими выходцами, можно было встретить на огромном пространстве от западной оконечности Сицилии (Селинунт) до Крымского полуострова (Херсонес Таврический). В начале VI в. до н.э. в Мегарах возникла едва ли не первая в Греции демократия, существовавшая несколько десятилетий. Уроженцами Мегар были один из величайших древнегреческих лирических поэтов Феогнид, а также выдающийся инженер архаической эпохи Евпалин, пробивший для самосского тирана Поликрата уникальный тоннель-водопровод в более чем километровой толще скалы. Мегары наряду с Афинами претендовали на почетное звание «родины комедии».

Рецензируемая монография (ставшая итогом изучения мегарской истории, которым Л.А. Пальцева занимается уже много лет и промежуточные результаты которого неоднократно публиковались ею²) имеет своей целью, как указывается во введении, «систематический очерк ранней истории Мегар (до конца архаического периода), включая обзор мегарских колоний» (с. 8). Отметим, впрочем, что автор, пусть и не говоря об этом эксплицитно, ограничивает исследование не только хронологически, но и тематически. Так, лишь мимоходом затрагиваются в монографии проблемы мегарской экономики; при этом порой проскальзывают суждения, которые просто озадачивают, например: «В Мегарах уже в конце VIII в. до н.э. большую роль начинают играть предшественники крупного торгового капитала» (с. 242). Хотелось бы нам посмотреть на этих капиталистов – современников Гомера! Несогласие вызывает и тезис о денежных ссудах в Мегарах уже в конце VII в. до н.э. (с. 259). Вряд ли деньги в это время уже были настолько распространены, что являлись важным элементом экономики, брались займы рядовыми мегарскими крестьянами (да и зачем бы им эти деньги?) Сказанное относится не только к Мегарам, но и ко всей Греции (во всяком случае Балканской) указанного времени. Что же касается собственно мегарского полиса, то напомним, что он начал чеканить монету лишь в IV в. до н.э.: видимо, ранее такой потребности не возникало. Ссуды, о которых идет речь, были, как можно утверждать почти без сомнения, не денежными, а натуральными.

Практически ничего не говорится в монографии и о мегарской культуре, не считая маленького, на две странички, экскурса о времени жизни Феогнида (с. 267–269), данного лишь постольку, поскольку это необходимо для выяснения хронологии гражданских смут в мегарском полисе (кстати, Л.А. Пальцева придерживается ранней датировки творческой деятельности этого поэта – первой, а не второй половиной VI в. – что, на наш взгляд, абсолютно правомерно³). В центре внимания исследовательницы – сюжеты, связанные с внутренней и внешней политикой, а также (и, пожалуй, преимущественно) с колонизационными акциями Мегар.

Книга состоит из четырех глав. Первая из них по сути является вводной; в ней кратко рассказывается о географическом положении Мегариды, этническом составе ее древнейшего населения и об освоении этого региона дорийцами в конце II тыс. до н.э. В частности, ставится вопрос: выходцы из какого конкретно дорийского центра Пелопоннеса сыграли главную роль в этом освоении. Делая выбор между Коринфом и Аргосом, автор склоняется скорее ко второму из этих вариантов. Нам же представляется, что сам вопрос в известной мере некорректен и соответственно не может получить однозначного и непротиворечивого ответа. Можно ли в XI в. до н.э., в субмикенский период, характеризовавшийся полной нестабильностью и постоянными миграциями населения, говорить об уже существующих, четко отделенных друг от друга дорийских государствах Аргосе, Коринфе и т.п.? Сомнительно.

² О широте научных интересов автора можно судить по нескольким названиям статей: Пальцева Л.А. К оценке традиции об основании Астака // Город и государство в античном мире. Л., 1987. С. 34–44; она же. Мегарида и Беотия: к проблеме ранних контактов // Античное общество: Проблемы политической истории. СПб., 1997; она же. Афино-мегарские отношения в VII–VI вв. до н.э. // Античный мир: Проблемы истории и культуры. СПб., 1998. С. 43–56.

³ Иную точку зрения см. Доватур А.И. Феогнид и его время. Л., 1989. С. 36 слл.

В дальнейшем Л.А. Пальцева избирает скорее тематический, чем хронологический принцип изложения: последующие главы рецензируемой монографии по сути представляют собой очерки об отдельных аспектах жизни мегарского полиса на протяжении довольно значительного временного промежутка. Кстати, не вполне понятным остается, до какого момента автор доводит исследование. Ясно только, что не до конца архаического периода: в книге ничего не говорится о вступлении Мегар в Пелопоннесский союз, имевшем место во второй половине VI в. до н.э. Насколько можно судить, в целом изложение доводится примерно до середины этого столетия (установление олигархии, основание Гераклеи Понтийской), хотя встречаются упоминания и о более поздних событиях.

Заголовок II главы – «"Темные века" Мегар: легенда и история» – несколько дезориентирует. Речь в ней идет не об истории города и области в XI–IX вв. до н.э., как можно было бы заключить (что само по себе вполне понятно: о Мегарах в эти столетия практически ничего не известно), а по большей части о проблеме достоверности сохранных античной легендарной традицией сведений о мегарских делах более ранней, микенской эпохи. Как правило, автор относится к этой традиции (особенно к той ее части, которая связана с именами местных мегарских героев – Скирона, Эсимна, Терей и др.) с достаточно большим интересом и доверием, наиболее внимательно анализируя маргинальные варианты мифов. Л.А. Пальцева опирается при этом на тезис, согласно которому легенда «должна была отражать определенные исторические условия, ее породившие, и потому не может быть отвергнута как историческая фикция» (с. 156). Однако сразу напрашивается возражение: любая историческая фикция точно так же отражает породившие ее исторические условия. Совершенно бесспорных, ничем не мотивированных фикций не бывает. А значит, и предлагаемый исследователем критерий не выполняет своей функции.

Иногда, однако, автор впадает и в другую крайность – в крайность гиперкритицизма. В частности, анализируя генеалогию древних мегарских царей, она приходит к скептическому и неутешительному выводу: перед нами – искусственная конструкция, сфабрикованная в Мегарах и отчасти в Афинах в течение архаической эпохи для подкрепления тех или иных политических притязаний, соответственно ее историческая ценность «весьма незначительна» (с. 38). Так, царь Пандион, по мнению Л.А. Пальцевой, в VIII в. до н.э. был включен в царский список, а в VII – начале VI в. вновь исключен из него. Таким образом, мегаряне и афиняне периода ранней и средней архаики оказываются всего лишь манипуляторами предания, произвольно включающими в царские списки и склочавшими из них различных персонажей. Но как же быть с гневом божественного предка, подобным образом безжалостно вычеркнутого из прошлого? Стало быть, пресловутые «фальсификаторы истории» были еще и атеистами. А если учесть, что заниматься подобными фабрикациями могли лишь жрецы (историков еще не было⁴), то ситуация оказывается еще более пикантной⁵.

Если же говорить серьезно, то не стоит столь уж критично относиться к генеалогической традиции, как правило, основанной на вполне аутентичном историческом ядре. Последнее относится не только к античности; насколько можно судить, в любой традиционной культуре родословное предание – наиболее устойчивый и достоверный элемент мифологии. Это установлено в частности на примере фольклора Полинезии; цепочки легендарных предков, сохранившиеся в памяти жителей удаленных друг от друга островов, сходились в одной общей

⁴ Кстати, Л.А. Пальцева постулирует (с. 60) наличие в Мегарах уже в конце VI в. до н.э. школы историописания, ссылаясь на поэта Симоида, который (ар. Plut. Thes. 10) будто бы упрекает мегарских историков. Это утверждение уже a priori выглядит крайне маловероятным. Если бы мегарские историки столь ранней эпохи действительно существовали, то они принадлежали бы к самому первому этапу развития древнегреческой историографии, к поколению логографов. В таком случае удивительно, что неизвестны даже имена этих авторов. Что же касается указанной цитаты из Симоида, то она состоит только из слов τῷ πόλει χροῖσι πολέμοιτες, которые могут относиться к чему угодно. Плутарх часто цитировал древние авторитеты безотносительно к той теме, о которой он вел речь в момент цитирования. Приведем только один пример (Plut. Fab. 28): «Сципион разбил в сражении и самого Ганнибала, низверг и растоптал гордыню покорившегося Карфагена, принеся согражданам радость, превосшедшую все ожидания, и поистине "он город, бурей потрясенный, вновь воздвиг"». Здесь биограф цитирует «Антигону» Софокла. По логике Л.А. Пальцевой пришлось бы признать, что Софокл писал о Сципионе.

⁵ По категоричному (и, на наш взгляд, вполне справедливому) утверждению Ф. Фроста на протяжении большей части архаической эпохи вера в богов была всеобщей, что практически исключало возможность религиозных манипуляций: Frost F.J. Faith, Authority, and History in Early Athens // Religion and Power in the Ancient Greek World. Uppsala, 1996. P. 83–84.

точке⁶. Конкретно же мегарский царский список вызывает к себе доверие уже тем, что в нем неоднократно повторяется весьма архаичная черта – наследование престола после смерти очередного царя не сыном его, а зятем. Нам показалось, что скептическое отношение Л.А. Пальцевой к ряду элементов предания вызван ее по-своему вполне объяснимым «мегарским патриотизмом». Так, исследовательнице очень трудно признать факт афинского господства в Мегарах в микенскую эпоху; соответственно она прилагает немало усилий, чтобы опровергнуть античную традицию о «наследии Пандиона» – афинского царя, разделившего свои владения между четырьмя сыновьями, причем одному из них, Нису, досталась Мегарида. Однако, насколько можно судить, нет ничего невероятного в том, что афинское «дворцовое царство» II тыс. до н.э. на каком-то этапе своей истории включало в себя и Мегариду, не отделенную от Аттики никакими естественными рубежами, географически тяготевавшую к ней, да и населенную теми же ионийцами. Более того, легенда о «наследии Пандиона» косвенно подтверждается и тем фактом, что в архаическую эпоху фиксируется трехчленное деление собственно Аттики (без Мегариды) на Педию, Паралию и Диакрию – регионы, каждый из которых традиционно связывался с одним из Пандионовых сыновей: Эгеем, Ликом, Палантом. Правление же в Мегарах их четвертого брата – Ниса – признавалось даже мегарскими авторами, в целом враждебными к Афинам.

Наибольшей удачей Л.А. Пальцевой бесспорно стала III глава книги, самая обширная (она занимает более половины общего объема) и во всех отношениях центральная, ключевая. Она посвящена мегарской колонизации. Выведение Мегарами колоний в разные части тогдашней ойкумены рассматривается в широком внешнеполитическом контексте. Поэтому автор подробно останавливается на Лелантской войне VIII–VII вв. до н.э. В историографии, как известно, существуют две основные трактовки этой войны, которые можно определить как «минималистскую» (затяжной пограничный конфликт на Эвбее между Халкидой и Эретрией с периодическим участием некоторых других полисов) и «максималистскую» (крупнейшее в истории архаической Эллады вооруженное столкновение, разделившее едва ли не весь греческий мир на два враждебных лагеря)⁷.

Л.А. Пальцева ближе ко второй из этих трактовок. Она в частности считает, что и Мегары участвовали в Лелантской войне, входя наряду с Милетом и Хиосом в «эретрийскую» группировку⁸ и противостоя группировке, включавшей Халкиду, Коринф, Самос, Фессалию. Победу в войне в первой половине VII в. до н.э. одержала Халкида, что, по мнению автора рецензируемой монографии, оказало самое непосредственное влияние на мегарскую колонизацию: если ранее мегаряне пытались осваивать территории на западе (основание Мегар Гиблейских в Сицилии), то впоследствии, вытесненные с этого направления Халкидой и Коринфом, устремились на северо-восток, в зону Черноморских проливов, где всецело господствовал дружественный им Милет. Л.А. Пальцева занимает особую позицию по вопросу о влиянии Дельфийского оракула на греческую колонизацию. Она полагает, что Дельфы изначально были связаны с «халкидской» группой полисов и покровительствовали именно их колонизационной активности; лишь с 660-х годов до н.э., т.е. после окончания Лелантской войны, Мегары, принадлежавшие к противоположной группировке, также удостоиваются внимания жречества Пифийского Аполлона.

Изложенная здесь концепция ранней мегарской колонизации в связи с общей историей архаической Греции представляется интересной и оригинальной (ближе всего она стоит, насколько нам известно, к построениям У.Дж. Форреста), хотя безусловно во многих своих компонентах крайне гипотетична. Вообще одним из главных методологических недостатков рецензируемой монографии представляется нам то, что слишком часто в ней предположения автора незаметно обретают форму доказанных фактов и используются для аргументации других тезисов. На одних гипотезах строятся другие, и в результате вся конструкция оказывается недостаточно надежной и легко уязвимой для критики.

Привлекая широкий круг источников (как письменных, так и археологических), исследовательница достаточно подробно пишет об обстоятельствах и времени основания практически

⁶ Ср. Молчанов А.А. Социальные структуры и общественные отношения в Греции II тысячелетия до н.э. М., 2000. С. 12–13.

⁷ См. последнюю (и наиболее фундаментальную) работу о Лелантской войне, в которой подробно разбираются данные античной традиции о ней и различные интерпретации этих данных в современном антиковедении: Parker V. Untersuchungen zum Lelantischen Krieg und verwandten Problemen der frühgriechischen Geschichte. Stuttgart, 1997. К сожалению, Л.А. Пальцевой эта монография осталась неизвестной.

⁸ Есть также мнение, что на стороне Эретрии выступали и Афины (Jeffery L.H. Archaic Greece: The City-States c. 700–500 B.C. L., 1978. P. 67), но оно не представляется достаточно обоснованным.

всех мегарских колоний и субколоний, об их ранней истории. Импонирует ее интерес к тем апокиям, которые относятся к числу малоизученных, особенно в отечественной литературе. Таковы, например, Мегары Гиблейские, Селинунт, Астак, о которых раньше на русском языке вообще почти ничего невозможно было прочесть. Л.А. Пальцева старается установить конкретные причины выведения Мегарами различных колоний, а также дать их типологию, разделяя вновь основанные полисы на аграрные (Мегары Гиблейские, Селимбрия, Гераклея Понтийская) и торгово-ремесленные (Астак, Калхедон, Месембрия). Во многом эта типология вызывает возражения. Так, автор считает, что Астак и Калхедон были основаны по инициативе пресловутых «представителей крупного торгового капитала» для торговли с Фригией, разработки залежей меди (очевидно, для последующего экспорта этого металла) и т.п. Степень греко-фригийских торговых контактов в VIII в. до н.э. (именно в конце этого столетия, как доказывает исследовательница, был основан Астак) вряд ли стоит преувеличивать. Что же касается залежей меди у Калхедона, то они разрабатывались, конечно, же, не для экспорта, а для удовлетворения потребностей метрополии в этом необходимом, но отсутствовавшем в Мегариде сырье. Не будем забывать о том, что торговая политика греческих полисов всегда была ориентирована в первую очередь на импорт, а отнюдь не на экспорт⁹.

Завершающая, IV глава посвящена различным аспектам внутренних и внешнеполитических отношений в архаических Мегарах: неудачной борьбе с Коринфом за полуостров Перахора и с Афинами за Саламин, правлению тирана Феагена, эпохе смут, последовавших за его свержением. Глава довольно краткая, что, впрочем, отчасти объективно обусловлено скудостью материала по этим вопросам. Пожалуй, более выгодным было бы размещение этой главы не после, а перед главой о мегарской колонизации: это позволило бы читателю лучше понять причины последней.

Отметим некоторые фактические ошибки и неточности, а также слишком категоричные суждения, встречающиеся в тексте книги. Говоря о географическом положении Мегариды, автор пишет, что остров Миноя, лежавший у ее эгейского побережья, «в результате наносов... превратился в холм» (с. 11). Не вполне понятно, о каких наносах идет речь. В Мегариде нет рек, а незначительные, пересыхающие летом ручьи не способны образовать сколько-нибудь заметных наносов. Речные наносы – реалья, характерная совсем для другого региона греческого мира – для малоазийского побережья Эгейского моря. Что же касается Минои, то ее локализация – одна из самых сложных проблем мегарской топографии, не разрешенная и по сей день¹⁰, и вряд ли стоит эту проблему затушевывать.

Вызывает серьезные сомнения тезис о проживании ионийцев в Беотии до дорийского вторжения (с. 17). При этом дается ссылка на Геродота (V. 58), который, однако, в указанном месте ничего подобного не пишет. Что же касается распространенного впоследствии в малоазийской Ионии культа Посейдона Геликония, то его название связано не с беотийской горой Геликон, а с городом Гелика в Ахайе¹¹.

В другом месте (с. 69) Л.А. Пальцева, опираясь также на Геродота (V. 72), повторяет иногда встречающееся в историографии утверждение об ахейском происхождении одной из двух царских династий в Спарте. Подчеркнем: обе спартанские династии возводили свои корни к Гераклу и уже поэтому (независимо от их реального происхождения) воспринимались как ахейские, а не дорийские¹². Именно в этом контексте следует понимать приводимые «отцом истории» слова Клеомена I: «Я – не дориец, а ахеец».

Не можем согласиться с решительным отрицанием автором рецензируемой монографии достоверности свидетельства Страбона (XII. 542) о том, что на месте Гераклеи Понтийской до мегарской колонизации находилось поселение милетян (с. 197). Во-первых, трудно представить, чтобы милетские мореходы, активно осваивавшие уже как минимум с VII в. до н.э. южное побережье Понта и забиравшиеся несравненно дальше на восток, не заметили и не оценили по достоинству едва ли не единственную удобную гавань в западной части этого побережья. Во-вторых, только наличием в Гераклее определенного милетского элемента можно объяснить значительные ионийские вкрапления в ономастический фонд основанного ею Херсонеса Таврического, как он вырисовывается по надписям на найденных в этом крымском полисе

⁹ Austin M.M., Vidal-Naquet P. Economic and Social History of Ancient Greece: An Introduction. Berkeley, 1977. P. 113–115.

¹⁰ См. по этой проблеме: Legon. Op. cit. P. 21 ff.

¹¹ Залубовина Г.Т. Архаическая Греция: Особенности мировоззрения и идеологии. М., 1992. С. 38.

¹² Ср. Georges P. Barbarian Asia and the Greek Experience. Baltimore, 1994. P. 152–157.

острака¹³. Сложнее, чем представляется Л.А. Пальцевой, и вопрос о хронологии основания Гераклеи. Далеко не все исследователи склонны относить его к 560 г. до н.э., и это, наверное, стоило бы оговорить в тексте. Отметим досадную опечатку, способную ввести читателя в заблуждение (с. 207). В связи с основанием Месембрии указываются две даты – 610 и 593 гг. до н.э., в то время как должны были быть, конечно, 510 и 493 гг.

К сожалению, вне внимания Л.А. Пальцевой остались очень интересные перипетии мегарской истории следующей, классической эпохи: метания Мегар между Афинами и Спартой в середине V в. до н.э., трагичная судьба города и области в годы Пелопоннесской войны, когда Мегарида, лежавшая на границе между враждующими коалициями, неоднократно жестоко страдала от этого, неожиданный период экономического процветания в тяжелом для всей Греции IV веке, обусловленный последовательно проводимой политикой нейтралитета... Будем надеяться, что эти темы будет освещены автором в дальнейшем. В любом случае, пробита еще одна брешь в стене афиоцентризма, и это можно только приветствовать.

И.Е. Суриков

© 2002 г.

M. MIELCZAREK. The Army of the Bosporan Kingdom / Translated by N.V. Sekunda (Studies in the History of the Ancient and Medieval Art of Warfare. V. IV). Łódź: Oficyna Naukowa MS, 1999. 103 p. 25 pls.

Новая книга известного польского нумизмата, историка и археолога, профессора Торуньского университета Мариуша Мельчарека посвящена истории развития боспорской армии, от образования государства до его падения. Блестящее знание русского языка и тесные контакты с российскими и украинскими учеными позволили автору использовать большое количество отечественной литературы, без знания которой данная книга не имела бы научной значимости. В результате получился широкий обобщающий труд. На сегодняшний день книга является единственным исследованием монографического плана по данной теме¹. Сам сюжет для М. Мельчарека не нов, это логическое продолжение его предыдущей монографии, посвященной тяжеловооруженной античной коннице, где уже была затронута проблема развития сарматской и боспорской кавалерии². Нельзя не отметить изящность стиля и легкость языка у переводчика книги антиковеда Николаса Секунды.

Книга состоит из вступления, трех основных частей, заключения и приложенных в конце двадцати пяти таблиц (фотографии и прорисовки археологических памятников). В каждой из частей, которые идут друг за другом по хронологическому принципу, кратко излагается общий военно-политический фон событий с акцентом на наиболее известные нам кампании, организация армии, характеристика родов войск и вооружение. К сожалению, такие интересные темы как стратегия, система снабжения армии, организация лагеря (в частности вагенбург), частично тактика остались без рассмотрения. Отчасти это объясняется тем, что источники очень скупо информируют нас о данных сюжетах (но все-таки информируют!), отчасти, возможно, это связано с ограничением объема книги. Сюжеты, связанные с фортификацией и флотом, изначально не входили в авторский замысел (с. 24–25). Поскольку античная письменная традиция весьма скупа относительно военного дела Боспора, то автору было необходимо широко привлекать свидетельства археологии, эпиграфики и нумизматики, и он это сделал.

¹³ Сб острака из Херсонеса см. *Vinogradov Iu., Zolotarev M. La Chersonèse de la fin de l'archaïsme // Le Pont-Euxin vu par les Grecs. P., 1990. P. 84–119; Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И. Херсонес изначальный // Древнейшие государства Восточной Европы (1996–1997 гг.). М., 1999. С. 91–129; Суриков И.Е. Остракизм в Мегарах и Херсонесе Таврическом // Проблемы антиковедения и медиевистики. Нижний Новгород, 1999. С. 48–52; он же. Остракизм и остраконы: в Афинах и за их пределами // *Neperboeus*. 2000. 6. 1. P. 103–123.*

¹ Диссертация Н.И. Сокольского осталась неопубликованной; см. *Сокольский Н.И.* Военное дело Боспора: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1954.

² *Mielczarek M. Cataphracti and Clibanarii. Studies on the Heavy Armored Cavalry of the Ancient World (Studies on the History of Ancient and Medieval Art of Warfare. V. I). Łódź, 1993. P. 95–102.*